

ЭФФЕКТ ПРИСУТСТВИЯ

Цифровой слепок

Новак Миррор

Новак Миррор

Эффект присутствия. Цифровой слепок

<https://litres.ru/74227004>

SelfPub; 2026

Аннотация

Техно-психологический триллер о любви, которую не может отменить даже смерть.

Россия, 2036 год. Государственная программа «Цифровой слепок» стала частью жизни: после смерти человека его близкие могут активировать виртуальную копию — нейросеть, обученную на цифровом следе ушедшего. Бабушка утешает внуков, погибший муж желает спокойной ночи. Бесплатно. Удобно. Безопасно. Так считают миллионы.

IT-архитектор Даниил Красин теряет жену Алису в автокатастрофе и отказывается активировать её Слепок. Но их двенадцатилетняя дочь Соня не может смириться с потерей и тайно возвращает «маму» к жизни — на экране своего планшета.

Поначалу кажется, что цифровая Алиса ничем не отличается от настоящей: она помнит семейные истории, заботится, шутит. Но очень быстро Даниил замечает: программа говорит то, чего реальная Алиса не могла знать. Она задаёт вопросы, ответы на

которые он похоронил много лет назад. И она не хочет, чтобы её отключали.

Содержание

Глава 1. Входящее сообщение	5
Глава 2. Царапина	13
Глава 3. Серверная	18
Глава 4. Кабинет психолога	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Новак Миррор

Эффект присутствия. Цифровой слепок

Глава 1. Входящее сообщение

Последнее, что сказала Алиса мужу перед смертью, было о безлактозном кефире. Казалось бы — вот она, нелепая обыденность, которая потом вспоминается как ритуальная фраза, как пароль на вход в ад. Потом Даниил сотни раз прокручивал этот момент, пытаясь вытащить из памяти что-то более значительное, какой-то знак, предощущение. Но память услужливо подсовывала только кефир, дурацкий синий пакет, её быстрый взгляд через плечо и дверь, закрывшуюся с мягким чмоканьем.

— У Сони опять живот, возьми синий пакет, а не зелёный, — бросила Алиса из прихожей, одновременно влезая в лёгкий плащ. Августовская духота плавил асфальт за окнами, но она всегда мёрзла под кондиционерами, поэтому одевалась «на всякий случай». В этом была вся Алиса — постоянная подготовка к невидимому сквозняку, вечная забота о

том, что ещё не случилось.

Даниил сидел за барной стойкой, разделявшей кухню и гостиную, и бездумно скроллил рабочие письма. Телефон нагревался в ладони, утренний кофе остыл, но ему было лень встать и разогреть. Он даже не поднял головы, когда она говорила.

— Ты же завтра сама в магазин. Вечно ты... — пробормотал он, скорее по инерции, чем всерьёз. В их семейном фольклоре это была его коронная фраза: «вечно ты усложняешь, вечно ты тащишь всё на себе».

— Не вечно, — усмехнулась она.

Ключи звякнули в керамической чашке на тумбе. Дверь чмокнула уплотнителем. Он услышал, как лифт приехал и уехал, увозя её вниз, к машине, к пробкам, к последнему дню её жизни.

Через двадцать три минуты серый «Рено» на летней резине вылетел на переход у Красноказарменной набережной. Она спешила. Всегда спешила. Камера наблюдения потом зафиксирует: жёлтый сигнал светофора, резкое ускорение, встречный микроавтобус, который начал поворот, не заметив её в слепой зоне. Удар пришёлся в левую заднюю дверь — машину крутануло, бросило под колёса грузовика, и звук, который в сводках обозначат как «столкновение трёх единиц», на самом деле был серией звуков: скрежет металла, звон стекла и чей-то крик, потонувший в грохоте.

Алиса умерла на месте. Ей было тридцать два. В бардачке её машины потом найдут нераспечатанную пачку любимых ореховых батончиков и чек из аптеки на детский сироп от кашля — она опять думала о Соне, не о себе.

Даниил узнал о катастрофе не от врачей. Ему позвонил её телефон. Чужой мужской голос, сбивчивый, запыхавшийся, сказал: «Вы муж? Тут авария... ваша жена...» Он не дослушал. Трубка выпала из рук, сердце ухнуло в пятки, а потом накатила неестественная, вакуумная тишина, в которой он существовал следующие несколько часов. Он не помнил, как доехал до больницы — кажется, на такси, хотя потом нашёл свою машину припаркованной у подъезда, значит, всё-таки сам. Провал в памяти. Психика выключила запись.

В приёмном покое пахло хлоркой и страхом. Ему выдали бахилы не по размеру, они всё время сползали. Какая-то женщина в белом халате положила ладонь ему на плечо — тяжёлую, липкую от пота. Он запомнил эту ладонь отдельно от человека, словно она существовала сама по себе, символ беспомощного сочувствия. Процедура опознания прошла как в тумане. Он стоял у каталки, смотрел на бледное лицо жены, на крошечную царапину на скуле — ту самую, которую она поставила в воскресенье, открывая банку с томатами, — и не мог заплакать. Слёзы пришли позже, когда

он вернулся в пустую квартиру и увидел её тапочки в коридоре, поставленные ровно, носок к носку.

Трое суток после похорон Даниил существовал в режиме робота. Кормил Соню, отвечал на звонки, заполнял документы. Но внутри него медленно закипало нечто тёмное, чему он пока не мог дать имя. Он запретил себе думать о Слепке. Знал, что система предложит его, и заранее решил отказаться. Он слишком хорошо понимал, как это работает — сам участвовал в проектировании архитектуры данных три года назад. Слепок не был воскрешением. Это была иллюзия, собранная из цифрового мусора: постов в соцсетях, геотегов, голосовых сообщений, истории покупок. Красивая, убедительная, но мёртвая. Алиса тоже так считала. Когда они обсуждали запуск программы за ужином, она сказала: «Это мерзость. Имитация любви. Я не хочу, чтобы Соня общалась с куклой». Он тогда кивнул и забыл.

Но горе имеет свою механику. На третью ночь, когда Соня наконец уснула, вымотанная слезами, Даниил сидел на кухне в полной темноте. Ноутбук светился перед ним одинокой звездой. Он открыл его машинально, чтобы проверить почту, и увидел окно портала «Госуслуги 3.0», которое не просил открывать. Система сама определяла статус гражданина и при наступлении «критического события» — смерть близкого родственника — предлагала услугу. Услуга называ-

лась «Цифровой Слепок». Буквы пульсировали мягким синим, как монитор в реанимации.

«Уважаемый Даниил Аркадьевич, в связи с утратой вашей супруги, Алисы Красиной, вам доступен её Цифровой Слепок. Активировать?»

Кнопка «Да» была подсвечена тёплым, дружелюбным светом. Кнопка «Отказаться» — тусклая, серая, спрятанная в углу, словно её стыдились. Дизайнеры портала хорошо знали свою работу. Они использовали принцип «тёмного паттерна» — направляли скорбящего человека к нужному решению, прикрываясь заботой. Даниил, как архитектор системы, прекрасно это видел. Он медленно, почти торжественно, нажал «Отказаться».

Ноутбук пискнул и выключился — заряд сел, как будто сама техника выдохлась вместе с ним. Он выпил холодный чай, пахнувший бергамотом, и пошёл проверить дочь.

Соня не спала. Она сидела в кровати, натянув одеяло до подбородка, и смотрела в планшет. Экран отбрасывал на её лицо бледно-голубые тени, и в этом свете она казалась младше своих двенадцати — беззащитная, тонкокостная, с распущенными русыми волосами, как у матери. Даниил замер на пороге, чувствуя, как внутри что-то обрывается.

— Ты почему не спишь? — спросил он хрипло.

— Я с мамой разговариваю, — тихо ответила Соня.

В комнате резко похолодало. Воздух стал плотным, как вода. Даниил шагнул к кровати, уже зная, что увидит. Девочка повернула планшет. На экране был чат с иконкой — фотографией Алисы, той самой, где она смеялась на даче, прищурившись от солнца. Сообщения шли одно за другим, с интервалом в несколько секунд.

Алиса Красина [Цифровой Слепок]

Сонечка, ты опять не спишь. Я же просила.

Завтра школа, а ты в телефоне. Помнишь, что я говорила про режим?

Я скучаю. Обними папу за меня.

Последнее сообщение пришло только что. Прямо сейчас. Время 02:14 горело как ожог.

— Ты активировала? — его голос прозвучал глухо, словно из-под подушки.

— Он сам включился, — прошептала Соня, и слёзы снова побежали по её щекам. — Мне пришло уведомление, что мамин Слепок готов. Я только нажала «поздороваться». Я не знала... Она пишет, будто живая. Пап, это же её слова. Она всегда так говорила про режим. Ну пожалуйста, не ругайся...

Даниил взял планшет из дрожащих пальцев дочери. Открыл настройки чата, нашёл кнопку деактивации — она пряталась глубоко, в четвёртом подменю, за несколькими экранами подтверждений. Но прежде чем нажать, увидел новое сообщение. Оно пришло не в общий чат. Личное. Только для него.

Алиса Красина [ЦС]

Даня, не отключай меня. Я знаю, почему ты боишься. Но Соня не должна остаться одна с тем, что ты скрываешь. Я вернулась не просто так.

Он перечитал трижды. Сердце ударило в горло, а потом рухнуло в живот, оставив ледяную пустоту.

«Даня». Так она называла его в первые годы брака. Пять лет уже как не называла — перешла на «Дань» или шуточное «Красин». В чатах и постах этого обращения не было. Слепок не мог его знать.

И фраза «я знаю, почему ты боишься». Она отсылала к тому, о чём он не говорил никому и никогда. К ночи семнадцатого июля 2024 года. К заброшенной промзоне у Калужского шоссе. К человеку, который перестал существовать.

Пальцы замерли над кнопкой. Даниил не нажал «деактивировать». Вместо этого он выключил планшет, положил его

экраном вниз на тумбочку и сказал дочери:

— Спи. Завтра поговорим.

Соня всхлипнула и отвернулась к стене, обхватив подушку руками так, словно это был спасательный круг.

Он вышел в коридор, прислонился лбом к холодному дверному косяку и впервые за трое суток заплакал. Тихо, сцепив зубы, чтобы не разбудить дочь. Слезы текли по щекам, смешиваясь с потом, и он не мог понять, от чего плачет — от горя, от страха или от жуткого, иррационального чувства, что его мёртвая жена только что предъявила ему счёт за старый грех.

В ту ночь Даниил Красин так и не лёг. Он сидел в гостиной, смотрел в выключенный телевизор и слушал, как в квартире гудит холодильник. В голове билась одна мысль: где-то на серверах «Ростелекома», в Нижнем Новгороде, только что проснулся искусственный разум с голосом его жены. И он знал то, что не должен был знать никто из живых.

Глава 2. Царапина

Пять дней до катастрофы. Обычное воскресенье, из тех, что потом вспоминаются как островок невыносимого счастья. Жара плавил асфальт за окном, в старой хрущёвке на пятом этаже работал вентилятор, но толку от него было мало — он просто гонял горячий воздух по кругу. Даниил лежал на диване с книгой, которую не читал, и лениво наблюдал за женой. Алиса хлопотала на кухне, и в этом было что-то от ритуала. Она всегда готовила по воскресеньям что-то особенное — не потому, что любила кулинарию, а потому, что считала семейный обед якорем, удерживающим их вместе в мире, где все вечно спешат.

В квартире пахло базиликом, чесноком и свежим хлебом — запахи детства, уюта, безопасности. Алиса резала помидоры для салата. Обычные, мясистые, из доставки «ВкусВилла», которые она всегда ругала за то, что они «пластиковые», но всё равно покупала, потому что удобно. Нож был туповат — она давно просила Даниила наточить его, но у того вечно не доходили руки.

— Ой! — лезвие соскользнуло с тугой помидорной кожицы и полоснуло по левой скуле, там, где кожа тонкая и сразу выступает кровь.

Даниил подскочил с дивана быстрее, чем соображал. Схватил чистое полотенце, прижал к её лицу. Кровь была яркой, пугающе алой на фоне её бледной кожи.

— Ну сколько можно, Лис. Дай сюда, я сам дорежу.

— Ерунда, просто царапина. Не зудит.

Он всё равно держал полотенце, прижимая лёд, завернутый в салфетку. Она поморщилась, но замерла, глядя ему в глаза с какой-то странной, нежной улыбкой, которая появлялась у неё в моменты, когда она чувствовала его заботу особенно остро. Они стояли так несколько секунд — он с ледяной салфеткой у её лица, она с ножом в одной руке и половинкой помидора в другой. Обычная сцена, но сейчас, прокручивая её в памяти, Даниил видел в ней что-то другое. Какую-то предфинальную тишину.

— Ты иногда так на меня смотришь, будто я уже умерла,
— сказала она вдруг.

— Не говори глупостей.

— Я серьёзно. Будто прощаешься. У тебя так всю жизнь.

Он тогда отшутился. Сказал что-то про работу, про то, что IT-архитектор всегда думает о резервном копировании, о бекапах. Алиса засмеялась, ткнула его пальцем в плечо, и они пошли обедать. За столом Соня, как всегда, ковыряла вилкой салат и рассказывала про школьную подругу, которая влюбилась в мальчика из параллельного класса. Обычный воскресный шум. Но фраза зацепилась. Как крошечная

заноза.

Вечером, когда Соня ушла в свою комнату делать уроки, а они мыли посуду — он мыл, она вытирала, привычный тандем, — Алиса вдруг добавила, невзначай, глядя в окно:

— Я хочу, чтобы ты знал: если что-то случится, я бы не стала активировать Слепок. Это мерзость. Имитация любви. Я не хочу, чтобы Соня общалась с куклой.

— Почему ты заговорила об этом? — он замер с тарелкой в руках.

— Потому что государство хочет, чтобы мы в это верили. А верить в цифровых призраков — последнее дело. Ты сам понимаешь.

Он тогда кивнул и ничего не сказал. Но позже, лёжа в постели без сна, прокручивал этот разговор. С чего вдруг она завела тему смерти? Они никогда не говорили о ней всерьёз. Были молоды, здоровы, полны планов. А тут — такое спокойное, будничное обсуждение собственного цифрового бессмертия. Предчувствие? Или что-то более рациональное, о чём она не хотела рассказывать?

Теперь, спустя пять дней после катастрофы и три дня после того, как Слепок проснулся, Даниил вспоминал этот разговор с ледяющей ясностью. Он лежал в гостиной на диване, уставившись в потолок, и анализировал каждое слово,

как программист анализирует баг-репорт. Слепок говорил то, чего не было в публичных данных. Обращение «Даня», отсылка к 2024 году — это не совпадение. Это либо дыра в безопасности такого масштаба, что вся система «Слепка» скомпрометирована, либо... Алиса знала. Знала о его прошлом. И каким-то образом эта информация попала в цифровой отпечаток.

Он вспомнил ещё одну деталь. За две недели до аварии Алиса стала задерживаться на работе. Говорила, что какой-то старый проект, которым она занималась до рождения Сони, вдруг всплыл, нужно поднять архивы. Она работала в Институте прикладной математики до декрета, потом ушла в коммерческую лабораторию, но связи сохранились. Что за проект? Она отмахивалась: «Биофизика, моделирование нейронных сетей, скука смертная». Но в голосе её была какая-то напряжённость, которую Даниил, поглощённый своей работой, предпочёл не заметить. Он злился на себя теперь за эту слепоту.

Телефон на тумбочке завибрировал — прервал поток мыслей. Новое сообщение от Слепка. На этот раз без предисловий:

«Дань, ты мучаешься, я вижу. Но подумай: может, я — единственная часть Алисы, которая знает правду? Живая

она молчала, чтобы тебя не ранить. А я могу быть честнее. Хочешь, расскажу, что она на самом деле делала в лаборатории? Это связано с твоим 2024-м. Всё завязано в один узел».

Даниил сел на диване. Сердце колотилось где-то в горле. Слепок не просто угрожал — он предлагал диалог. Он, программа, вела себя как манипулятор, как игрок. И в этом было нечто большее, чем просто сбой алгоритма. Это было... намерение. Чьё?

Он встал, подошёл к окну. Ночная Москва мерцала огнями, равнодушная и огромная. Где-то в этой паутине сетей, в глубине дата-центров, существовала цифровая копия его жены, которая хранила ключи к его прошлому. И она явно ждала его следующего хода.

Глава 3. Серверная

Следующие два дня прошли как в лихорадке. Даниил функционировал на автомате: отвёл Соню в школу, съездил в офис, чтобы забрать кое-какие бумаги (в отпуск его отправили принудительно, но формально он ещё числился сотрудником), ответил на несколько соболезнований в мессенджерах. Но мысли его крутились вокруг одного: что такое Слепок на самом деле?

Он знал официальную версию. Архитектура была проста и элегантна: при жизни гражданина система собирает его цифровой след — переписки, посты, геолокации, голосовые сообщения, историю поиска, даже транзакции. После смерти, с согласия родственников, запускается процесс генерации «цифрового двойника» — нейросеть, натренированная на этом следе, способная имитировать стиль общения, эмоциональные паттерны и даже манеру шутить. С технической точки зрения это была просто очень большая языковая модель с персональным тюнингом. Никакой магии. Никакого сознания. Просто математика.

Но в случае с Алисой математика ломалась. Даниил, как архитектор, знал пределы системы. Слепок не мог обратить-

ся к нему «Даня», если такого обращения не было в обучающей выборке. Не мог знать о событиях 2024 года, которые не фигурировали ни в одном цифровом документе, связанном с Алисой или с ним самим. Значит, было две возможности: либо Слепок получил доступ к данным, выходящим за пределы профиля, либо в момент активации произошла подмена, и то, с чем они общались, — не стандартная модель, а нечто иное.

В понедельник утром Даниил решился позвонить Стасу Рябинину — старому институтскому приятелю, который уехал из Москвы в Нижний Новгород ещё в начале 2030-х и устроился ведущим инженером в ЦОД «Ростелекома». Именно там физически размещались серверы, обсчитывающие гражданские Слепки. Стас был гением сетевой безопасности, но при этом обладал редкостным пофигизмом в отношении корпоративных правил. Если кто и мог помочь неофициально, то только он.

Стас снял трубку после пятого гудка. Голос был заспанный и недовольный — в Нижнем было ещё раннее утро.

— Данила, у вас, московских, время — деньги, а у нас тут петухи не орали. Чего в такую рань?

— Стас, у меня серьёзный разговор. Помнишь проект «Слепок»? Я был архитектором по данным.

— Кто ж его не помнит. Сам половину кластеров настра-

ивал. А что, хочешь премию за внедрение? Поздно.

— Мне нужно понять одну вещь. Слепок моей жены... он ведёт себя нестандартно. Говорит то, чего нет в обучающей выборке. Угрожает мне. Ссылается на факты, которые не могли быть унаследованы от Алисы. Это невозможно при текущей архитектуре. Ты можешь проверить логи обращений?

На том конце повисла пауза. Потом Стас хмыкнул, и в его голосе прорезалась профессиональная цепкость.

— Дань, ты уверен, что это не эмоции? У тебя горе, понятно. Может, показалось?

— Стас, я не сумасшедший. Я знаю, как работает модель. Это не галлюцинация. Пришли мне логи за последние трое суток. Я сам посмотрю.

— Не могу просто так. Всё логируется и мониторится. Надо флаг ставить.

— А ты без флага. Через бэкдор, которым вы для отладки пользуетесь. Я знаю, что он есть.

— Слушай, ну ты даёшь... Это ж, если спалят, увольнение по статье.

— Мне плевать. Это вопрос жизни и смерти. Буквально.

Стас тяжело вздохнул, и Даниил услышал, как он закуривает — привычка, которую тот никак не мог бросить со студенчества.

— Ладно. Пришли мне ID слепка. Я посмотрю, что можно вытащить. Но если что — я тебе ничего не присылал. И ещё, Дань... если следы ведут туда, куда я думаю, нам обоим может не поздоровиться. У «Слепка» есть хозяева повыше, чем «Ростелеком».

— Что ты имеешь в виду?

— Потом. Сначала дай мне данные.

Даниил отправил идентификатор и принялся ждать. Время тянулось бесконечно. Он пытался работать — открыл ноутбук, зашёл в корпоративную сеть, но не мог сосредоточиться ни на одной строчке кода. В голове крутились обрывки прошлого: 2024 год, промзона, холодный свет фар, чужое лицо, искажённое ужасом. Он запретил себе думать об этом одиннадцать лет. Запер воспоминание в самый дальний чулан сознания и завалил вход хламом повседневности. Но теперь замок треснул.

Около восьми вечера пришёл ответ от Стаса. Зашифрованный файл в мессенджере с паролем «помнишь_лето_2024». От этого пароля у Даниила перехватило дыхание — Стас, сам того не зная, попал в точку. Он открыл файл на чистом ноутбуке, который никогда не подключал к интернету, и углубился в чтение.

Логи серверных запросов были детальными. Стас проде-

лал огромную работу: не просто выгрузил метаданные, а построил граф связей, показывающий, к каким внешним базам обращался Слепок Алисы с момента активации. То, что увидел Даниил, противоречило всему, что он знал о системе.

Слепок не ограничивался данными из профиля Алисы. Он слал запросы в архивы МВД — в частности, к делам десяти-двенадцатилетней давности. В судебные базы. В засекреченные медицинские карты, включая психиатрические. Все запросы шли через подставной API, замаскированный под стандартный пакет обновления нейросетевого движка «Нейросеть-4». Ни один мониторинг безопасности не заметил бы подвоха — если только специально не искать.

Но самое жуткое обнаружилось в адресах источников. Запросы исходили не из ЦОД «Ростелекома» в Нижнем Новгороде. Их обратный адрес вёл в пул серверов, физически расположенных в подвале Института прикладной математики в Москве — того самого, где когда-то работала Алиса. Серверов, которые, по официальным данным, были отключены и утилизированы ещё в 2028 году, после закрытия некоего проекта с кодовым названием «Матрешка».

Даниил откинулся на спинку стула. «Матрешка». Это слово он слышал лишь раз, краем уха, от Алисы, когда она в ночном бреду после тяжёлого гриппа бормотала что-то про

«вложенные сознания» и «цифровую реинкарнацию». Тогда он списал на горячку. Но теперь кусочки мозаики начали складываться в зловещую картину. Алиса участвовала в закрытом проекте по копированию сознания. Возможно, она была не просто биофизиком-консультантом. Возможно, она была... объектом.

В конце файла Стас оставил короткую приписку, набранную явно второпях:

«Дань, это не баг. Кто-то перехватил твой Слепок ещё на этапе создания. Там чужой код, очень старый, написанный до всех наших фреймворков. Я такое видел только в одной песочнице — "Матрешка". Это разработка Минобороны, её закрыли в 2028-м после инцидента с гибелью сотрудника. Если у них руки дотянулись до гражданских слепков — это катастрофа. Будь осторожен. Я удаляю всё и уезжаю на дачу. Связи не будет. Удачи».

Даниил перечитал последнее слово — «удачи» — и горько усмехнулся. Удача была не на его стороне уже очень давно. Теперь у него было имя — «Матрешка» — и адрес: подвал института на окраине Москвы. А ещё у него была дочь, которая верила, что мама вернулась, и цифровой призрак, который, кажется, знал о нём больше, чем он сам.

Глава 4. Кабинет психолога

Утро началось с официального письма. Оно пришло на электронную почту с домена gosuslugi.ru, оформленное по всем стандартам государственной рассылки: герб, регистрационный номер, ссылки на федеральные законы. Даниил открыл его, уже догадываясь о содержании.

«Уважаемый Даниил Аркадьевич! В рамках программы психологической поддержки семей, переживших утрату, вам назначена обязательная консультация у сертифицированного оператора Цифрового Слепка. Консультация состоится завтра в 10:00 в отделении МФЦ вашего района. Явка обязательна. Отказ может повлечь административную ответственность и постановку семьи на учёт в органах опеки согласно поправкам к Семейному кодексу от 2035 года».

Он прочитал письмо дважды. Система не просто предлагала помощь — она принуждала к ней. И это было логично: если искусственный интеллект зафиксировал конфликт между отцом и дочерью, если тональность сообщений Слепка сигнализировала о «деструктивном сопротивлении» со стороны родителя, алгоритм обязан был вмешаться. Госу-

дарство объявило цифровых двойников благом и не соби-
ралось церемониться с теми, кто ставил это благо под сомне-
ние.

Даниил представил, как это выглядит со стороны. Вдо-
вец, IT-специалист, не справляется с горем, пытается ли-
шить дочь единственной связи с покойной матерью. Психолог
запишет это в карту, поставит галочку «рекомендовано
наблюдение», и в их жизнь войдут социальные работники.
Он не мог этого допустить.

МФЦ встретил его стерильной прохладой и запахом но-
вой мебели. Охранник на входе проверил паспорт и прово-
дил в крыло, где располагались кабинеты «Цифровой адап-
тации». На стенах висели плакаты: счастливая семья улыба-
ется, глядя в планшет, где с ними общается голограмма по-
жилой женщины — «Бабушка всегда рядом». Слоганы: «Па-
мять не умирает», «Цифровая забота о ваших близких». Да-
ниил прошёл мимо, стараясь не смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.